

C. ОРАОВ

Сергей Орлов

С. Орлов

Человеку
холодно
БЕЗ ПЕСНИ

ВОЛОГОДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

Советский поэт Сергей Сергеевич Орлов родился в 1921 году на Вологодчине — в селе Мегра, Белозерского района. В годы войны сражался танкистом на фронте. В 1954 году окончил Литературный институт.

Перу Сергея Орлова принадлежит несколько книг, получивших широкую известность: «Третья скорость», «Поход продолжается», «Светлана», «Радуга в степи», «Городок», «Стихотворения» (Лениздат), «Стихотворения» (Гослитиздат), «Память сердца». С. Орлов — член Правления Союза писателей РСФСР, член редколлегии журнала «Нева».

В книжке «Человеку холодно без песни», наряду с лучшими стихами из прежних сборников, много новых, ранее не публиковавшихся произведений поэта.

* * *

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам.

Песни на земле не сочиняют, —
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце где-то сердцу отзовется, —
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, словно сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят,
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России!

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червленной сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

* * *

Гудок над пристанью вечерней,
Река — как черная заря,
И вот мне ключ каюты вверен —
Я еду, проще говоря.

Еще не взрыли воду плицы,
Томит минута тишины,
А память уж вперед стремится
Навстречу бакенам Шексны.

Сейчас за первым поворотом
Березка встанет на косе
И проплывут моста пролёты
Во всей своей стальной красе.

Шексна, ты в детстве мне казалась
Всех рек огромней на земле,
В тебе все небо отражалось
Со всеми звездами во мгле.

Ты поднимала пароходы
В два этажа, как города.
Я много рек за эти годы
Больших и малых повидал.

И на иные ты похожа,
Как тропка на широкий путь...
Но ты мне стала всех дороже,
А это значит что-нибудь.

* * *

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков,
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие,
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару все, в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, и сторона лесная
Расступилась, и во всей красе
Встала в небе радуга цветная,
Как ворота на конце шоссе.

В створе расступившегося бора
За воротами — сады, дома,
Белый, красный, золотистый город.
Неба, солнца, красок кутерьма.

Будто зачарованный картиной,
Восхищенных глаз не отводя,
Смотрит пассажир автомашины
Сквозь стекло с веснушками дождя.

Кажется: пока что не открыта,
Там, за радугой, лежит она —
Солнцем залита, дождем промыта —
Необыкновенная страна.

У СЕБЯ ДОМА

Я давно, признаться, не бывал
В городке зеленом, деревянном,
Там, где я десятый класс кончал
И на будущее строил планы.

Было мне все время недосуг,
Некогда домой собраться было —
То меня на север, то на юг
Дальняя дорога уносила.

Где-то город строили в лесу, —
Мне командировка открывала
Новой жизни первую красу,
Будущего самое начало.

Где-то знаменит на всю страну
Стал колхоз успехами своими.
Крыльями фанерными качнув,
Плыл «ПО-два» над далями лесными.

Каждый раз зимою я решал:
Вот домой поеду нынче летом.
Но на Волге строили канал —
Как мне было не увидеть это!

Но в каком бы ни был я краю,
Милую районную столицу,
Тихую провинцию свою
Вспоминал — пусть нечем ей гордиться.

В стороне от всех больших дорог,
От железной за сто километров,
Маленький зеленый городок,
Старый друг с черемуховым ветром,

С вымпелами в зелени рябин,
С поясом тесовых палисадов...
И казалось мне, что он один
Не растет, не строится как надо;

Вкруг него, как видно, не найдут
Никаких таких месторождений,
Только реки сонные текут,
Льны цветут, да облака плывут,
Да базар шумит по воскресеньям.

На его дощатые мостки
Наконец ступил я нынче летом,
Повстречались мы, как земляки,
И протолковали до рассвета.

Он мне все показывал лицом,
Просто и без хвастовства, как надо, —
Новый тротуар, и новый дом,
И деревья выросшего сада.

Обошел я тот знакомый сад.
Там уже без орденов и планок,
Пиджаки накинув на девчат,
Ходят парни под его баяны.

Я тогда спросил его о том,
Где теперь знакомые ребята,
С кем ходили в детстве босиком
И из юности ушли в солдаты...

Не узнать ребят, по всей стране
Крупными ворочают делами.
И выходит так, что наравне
Славой мы с большими городами.

АКРОПОЛЬ

В незапамятном детстве раннем
Я увидел свой первый город —
Сказкою о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.
Вал зеленый у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.
Голубиная почта меркла
В синем небе над головою,
Звон катился на крыши с церкви,
С колоколен медным прибоем.
Крыши крыты железом красным,
Окна в два ряда и заборы...
Потрясенный творимой сказкой
Въехал я на телеге в город.
Тихий город мой, в зорях алых
Щедро мне ты дарил открытья,
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнить я.

И хотя на земле с тех пор я
Повидал городов немало,
Выходил к ним спокойно, к гордым
Из ворот гремящих вокзала.
Но недавно за синим морем,
В королевстве чужом, не в сказке,
Будто снова я въехал в город
На телеге мальцом вихрастым.
Белый мрамор колонн летящих,
С морем синим и небом рядом
На холме под солнцем палящим
Мне открылась земля Эллады.
И, увидев впервые город,
Изо всех городов на свете,
Словно солнце и словно горы
Пережившие тысячелетья,
Замер я, будто в детстве раннем,
Заглядевшийся с косогора,
Перед молодостью сказанья
На земле сухой, словно порох.
Я уже никогда не забуду
В небе полные солнца колонны
И безгрешного детства чудо —
Мой Акрополь в лесах зеленых.

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь — ударь с размаху шпорой
И на край земли лети в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка)
И смеялись ото всей души.

Мастер посетителей встречает,
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе.
Шутит сам: «Снимаю!.. Снял!..

Испортил!..»

Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста,
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке как в тумане
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава их не очень велика)
Просто рядовые горожане,
Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий —
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

ШУРА КАПАРУЛИНА

Стол предрика в солнечных накрапах,
Тополь отражается в стекле,
И лежит велюровая шляпа,
Как зеленый холмик, на столе.

С лектором из областного центра
Петр Степаныч разговор ведет,
Машинистка в «ундервуд» за стенкой
Осторожно, деликатно бьет.

К ней в окно влетает зелень мая,
Стук подков, автомашин гудки,
И влетела с ними золотая
Песня-птица с берега реки.

В двери, не стучась, без промедленья
Машинистка — волосы взлетит;
— Петр Степаныч, я прошу прощенья,
Шура Капарулина поет!

Удивленье гостя замечая,
Ничего не говоря в ответ,
Петр Степаныч радио включает —
И ворвалась песня в кабинет.

Молодой, грудной, щемящий, властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье, —
Кто из нас о нем не тосковал?

В девичьей косынке над рекою, —
Все его по-разному зовут...
Песня льется, душу беспокоя,
И молчит за стенкой «ундервуд».

«Но нельзя рябине к дубу перебраться», —
Шура Капарулина поет...
А немолодому ленинградцу
По районам предстоит скитаться,
И жена уж третий месяц ждет.

Имена певиц перебирая,
Чуть взгрустнув — немножечко устал,
Вот сидит он, недоумевая,
Оперы любитель, театрал.

— Кто ж такая это в самом деле? —
У предрика свет из-под бровей:
— Мастерица кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...

Песня то замрет, то с новым жаром
Городок весенний захлестнет,
Над притихшей площадью базарной,
Над рекой у пристани плывет.

В парке, где поют на кленах птицы,
Из окошка радиоузла
Песня льется. Где же ей вместиться
В микрофон-скворечник у стола?

И шофер-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот,
Он от песни уезжать не хочет...
Тихо! Капарулина поет!

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются,
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросычьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков да жакеток
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну

Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается,
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит как будто за лошадьёю,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

НОЧЬ

На карты не все нанесенный,
Вовсе не знаменитый,
Спит городок районный,
Небом ночным прикрытый.

Сады в его изголовье
Ветрами взбиты прилежно.
Запорошила кровли
Черемуха цветом снежным.

Полночь с зарницей низко
Нагнется, осветит в полете
Улицы, площадь, пристань,
Речку в плену у ветел.

На тех же широтах где-то
Есть города бессонные,
С заката и до рассвета
Улицы озаренные.

А здесь все огни погашены,
Спят служащие и рабочие,
Дня продолженье вчерашнего
Снится им этой ночью —

Все, о чем вслух мечтается
Дома и на собраниях,
Все, чего добиваются
Милые горожане:

Учителю — новая школа,
Школьнику — гром стадиона,
Трибуны над речкой Шолой,
Девушкам — парк зеленый,

Шоферу — асфальт без края,
А плановику-мечтателю —
Все разом, ведь он-то знает,
Что сбудется обязательно.

На карты не все нанесенный,
Вовсе не знаменитый,
Спит городок районный,
Небом ночным прикрытый.

У КОСТРА

В глуши таежной на сплавной реке,
Воткнув багры, как будто копыя в боны,
Как в песне на песчаном бережке
Стоят, сидят и курят плотогоны.

Одним бы надо за пять верст в деревню,
Другим в барак бы рядом до утра,
Но вот они, большие, как деревья,
Сошлись у одинокого костра.

Уха в котле старательно клокочет,
И руки на колени положив,
Перед явлением необъятной ночи,
Они примолкли, обо всем забыв.

Как трещинка в стекле, как паутинка,
Звенит комар, а может, кровь звенит,
Неслышно закрываются кувшинки,
И льются струи на реку раки.

Омытые закатом, за лесами,
Как белый город, встали облака,
И между смоляными берегами
Недвижна света полная река.

Тяжелые, сколоченные грубо,
Из рук не выпускавшие багра,
С реки не уходили лесорубы,
Бывало, от утра и до утра.

Не уходили и не замечали,
Среди какой красы они живут —
В безлунном блеске белой ночи дали,
Леса и взгорья, сказка наяву.

А тут костер, свободная минута,
Сверкнула в небе золотом стреха,
Стоят и не уходят почему-то,
И выкипает на костре уха.

Стоят, как будто в храме, лесорубы,
И тень улыбки бродит по губам,
И, словно в детстве, вздрагивают губы,
Как будто что-то шепчут по складам.

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляной —
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе.
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток, как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердилась связь

С жарой, где воздух сенокоса,
Звеня, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда,

Где женщина по рани первой,
По знобкой рани босиком,
Еще не выпавшись наверно,
Уже прошла, звеня ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком!
Как их берут по утру дружно
Детишки, вставшие кружком.

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стиранных сто раз,
Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба,
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его сразмаху под бока.

Нет, это не обычная работа,
Священнодействием пахнет на столе,
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен,
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень,
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснущат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичах благоухает хлеб.

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормах судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб.

А в кухне окна настезь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок.
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок.

МЫТЬЕ ПОЛОВ

Как моются полы до белого каленья? —
Перегибая сильные тела,
Подолы подоткнув и обнажив колени,
Хозяйки моют пол в субботу добела.

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду.
Тяжелым косарем раздроблена дресва,
Со щелоком парным и грацией свободы
На праздник утверждаются права.

С угла и до угла летает поначалу
Березовый голик, раздавленный ногой,
Обсыпанный дресвой, пока молчат мочала,
Всему черед и честь, как в каждой мастерской.

Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют.
Ладони горячи, и рук полет широк,
И лифчики трещат. Здесь дело не простое,
Здесь каждый бы из нас за две минуты взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более красив.

А во дворе горят половинок полотна,
Как радуги на кольях у ворот.
Хозяйки моют пол под праздник в день субботний
И праздник настает...

ЩИ

Из лавки овощной доставленный
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты.

Кочан капусты — это золото
Дождей качающихся, грузных
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты.

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым,
Оброненной зарей кумачной.

Поэзия опубликована,
Все начинается, как вызов.
Сталь синяя секиры кованой
И деревянный помост снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей разума,
В своей работе наторелом,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан.
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как библия,
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

«ГОЛУБОЙ ДУНАЙ»

В субботу «Голубой Дунай»,
Где вывеска гласит,
Что пьют здесь белозеры чай, —
Не от чаев шумит.

И не вино тому виной,
Какая ж в нем вина,
Но здесь народ под выходной
Толкует до хмельна.

Тяжелых кружек пенный круг
До первых петухов,
Железо узловатых рук
И нежный лен чубов.

В пыли полей, лесов, дорог,
В краю навек родном
Их проперчило солнце впрок
Веснушчатым огнем.

Министры поля и реки,
Все на земле пройдя,
О пользе солнца и дождя
Толкуют земляки.

Чистосердечной речи лад
Не терпит слов пустых,
Что думают, то говорят
О всех делах земных.

Без них не выдаст хлеб район,
Не встанет дом, не ляжет лес,
Не вырастет красавец лен —
Не знать земле чудес.

В субботу «Голубой Дунай»,
Где вывеска гласит,
Что пьют здесь белозеры чай, —
Не от чаев шумит.

ДВЕ ДАЛИ

Даль одна ближайшая темна,
А за ней прозрачная от света
Золотой жары полным полна...
Так бывает в середине лета.

Здесь вот-вот на тихие луга
Хлынет дождь и гром ударит зычно.
Там сгребают сено, мнут стога,
Медом зной стекает с плеч кирпичных

Пятнами цветными на песке
Брошены у речки сарафаны.
Девушки купаются в реке.
Дали две — различные, как страны.

И кукушка там и тут слышна,
Счет ведет и радостям и бедам,
Но звучит по-разному она,
Эта леса синего беседа.

Тем девчонкам под ноги летят
Без подсчета годы, как полтины.
Пропустить боясь, сию обьят,
Словно грустью, песней кукушиной.

Прозвучит короткое ку-ку,
Жду, когда еще одно обронит,
Как колечко с камешком в реку,
Или замолчит и похоронит.

А девчонкам просто наплевать,
Распустили косы, ноги босы,
Сколько жить — считать не сосчитать,
Мять траву без спросу на покосах.

Солнышко у них над головой,
Отдаются небу, ветру, водам...
Тень и свет, прохладный день и зной
Под одним бескрайним небосводом.

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьет — никак не напьется,
Хочет в небо — и не взлетит...

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень,
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой
И, кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Л. П.

Я встретил женщину одну
И вспомнил о девчонке русой,
Весь город был у ней в плену
Глаз, песенок, проказ и вкусов.
Весь деревянный рай земной,
Черемуховый, двухэтажный,
Со средней школой, с тишиной,
Со змеем в облаках бумажным.
Мы не встречались десять лет.
Лет шесть не знали друг о друге...
Из-под ресниц прохладных свет
Метнулся в радостном испуге.
Она — и не она, собой,
Как светом, день преображая,
Красивая, передо мной
Стояла женщина чужая.
Я девочку любил тогда.
Есть память — с этого вокзала

И в юность ходят поезда.
Ты помнишь?.. — девочка сказала.
Я оглянулся —
Сердце сжалось:
Разлукой сожжена дотла,
Любовь передо мной предстала,
Как степь от солонца. бела.
Два-три куста воспоминаний
На ней пока еще росли,
Не зелень, а одно названье,
Все пожелтевшие, в пыли...
А дальше пепел трав горелых
И отпечатки в нем цветов,
Когда-то синих, алых, белых.
И я заплакать был готов.
Но предо мной, открыта свету,
Стройна, лукава, смущена,
Стояла и ждала ответа,
Как даль весенняя, она.
Звала она щемящей грустью,
В которой солнце, тишь, гроза...

И я забыл девчонки русой
Проказы, песенки, глаза.

* * *

Опять пойдут хлестать метели
Вдоль деревенок и дорог,
Опять почти на две недели
Пути отрежут в городок.
На пятый день придут газеты
На тройке из Череповца.
От сельсовета к сельсовету
Негромок голос бубенца.
Тулуп на ямщике, как пламя,
Горит один среди зимы,
И кони, фыряя, ноздрями
Учуют дальние дымы.
Наутро рыжий письмоносец
Опять письмо не занесет...
Я не порадуясь на просинь,
Что в низком небе настаёт,
Не поделюсь грустью с ближним...
В лесу, петляя, шла лиса,
И уведут надолго лыжни
Меня в глушковские леса.

* * *

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся с начала.

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!),
Стоит любить иль не стоит.

И нагрянет любовь,
От которой — некуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

ПИСЬМО

В. О.

Я здесь живу на сквозняке
Меж гор, поднявшихся до неба,
Не на курорте, а в тоске,
В какой еще ни разу не был.
Уж месяц март, а здесь зима —
Такой не помнят старожилы.
Дрожат озябшие дома,
Скрипят деревья что есть силы.
Отсюда надо бы бежать,
Но, на весну тая надежды,
Я продолжаю что-то ждать
На юге, среди сугробов снежных.
Над отопленьем паровым
Окно у нас пургой забито.
Я сплю и ем, и мой режим
Еще на двадцать дней рассчитан.
Но это все не вся тоска:
Есть здесь на телефон тропинка,

Там голос твой издалека
Звенит холодный, словно льдинка.
И трубка, брошенная зло,
Летит на рычажок с размаху,
И все надежды на тепло
Опять летят куда-то прахом.
Клубится на горах мороз,
В лицо с размаху хлещут вьюги...
Не дай бог, чтобы вам пришлось
Вот так зазимовать на юге.

Л. П.

Голос первой любви моей—поздний, напрасный—
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как он мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

• • •

Под атласным одеялом
Солнцем полное плечо,
Лен волос, румянец алый,
Золотой пушок у щек.
Ты, наверное, не встала,
До сих пор ты спишь еще.

С вечера метель мела,
Мир калила добела,
Лес молил январь о чуде,
Но казалось, что не будет
Больше света и тепла.

А сейчас для всех влюбленных
В окна свету терема,
Снегу полная зима,
День — царь-колокол червонный
Полон звону, разума.

Милая моя краса,
Я ль не верил в чудеса.
Посмотри, не шелохнутся
Вплоть до полюса леса,
В воздухе дымки, как блюдца,
Днем с огнем в лесу лиса.
Не пора ль тебе проснуться,
Милая моя краса?

• • •

Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла,
Как будто тень и свет сменялись
И людям все казалось мало.

Ей ветер обнажал колени,
Она подол рукою била
И хохотала в упоеньи
Так, как она всегда любила.

И все вокруг переменилось,
Все стало праздничней и ярче,
Все сдвинулось, переместилось
И стало вдруг свежей и жарче.

А было лишь такая малость —
Катилось, звоном озаряло.
Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла.

* * *

Две крутых соболинки
Над рекой синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Темным вишеньем спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатый полет.

Словно вверх по ступеням
На тропе полевой,
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встает и не сводит
Глаз при встрече народ, —
Словно юность проходит,
Словно счастье идет.

Над тихими столицами районов
Сейчас идет бесшумный звездопад,
И у калиток, райских врат влюбленных,
Негромко кольца на груди звенят.

В черемухе и звездах ночь кружится
Необычайной, редкой красоты.
В такую пору спать грешно ложиться,
А я домой пришел до темноты,

Попил чайку, перечитал газеты,
Спокойной ночи пожелал жене,
И вот она, своим теплом согрета,
С подушки рядом дышит в ухо мне.

И я прощался у калитки тоже,
Из рук любимой отбирал кольцо,
И целовал прохладное до дрожи,
Во тьме ночной сиявшее лицо.

И надо мной в черемуху летели
Бесшумно звезды с высоты небес,
Кружился мир и соловьи немели, —
Был полон белый свет простых чудес...

... Такая получается петрушка,
Стучат часы, торчит в окне звезда,
Жестка, как жесьть, пуховая подушка,
И далеки те давние года.

У той березки, где с тобой
Встречались мы вечер каждый,
Пробитое насквозь стрелой
Я сердце вырезал однажды.

Мы говорили, на заре
Прощаясь, перепутав руки:
«Сотрется сердце на коре,
Но не стереть любовь разлуке».

Смешная юность далека...
Ты замужем, и ты забыла
Веснушчатого паренька,
Которого тогда любила.

А я пришел сюда, и вот
Гляжу, один в саду просторном,
Как сердце на коре живет...
И лишь стрела на сердце стерлась...

ПЕСНЯ

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко, высоко и тонко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна, —

Бас, упрямый, тяжелый, низкий
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),
О девчонке вдруг загрустили
И запели два мужика.

И не то, чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то, чтобы нелюдимы,
Одиноки в стране лесной.

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы, —
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

* * *

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи
Чернобуры на заре.

Ели — словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

ПОБЫВАЛЬЩИНА

Здесь лесов-то тьма, а в лесах Тотьма
Утонула повыше крыш,
Как придет зима, занесет дома,
Сверху Тотьмы не разглядишь.
Всё леса, леса, вплоть до полюса,
И на юг леса, на восток,
За околицей, хвоей колются,
Пробираются без дорог.
А в лесах она, река Сухона,
В ней веслом до дна не достать,
Как придет весна, думы вслух она
Начинает петь, напевать.
Она баскими дарит сказками,
А за сказкою бает быль,
Быль не ласкова, глубь опасная,
Разбиваются волны в пыль.
По реке плоты
В сорок две версты.
До небес семь верст,
Лесом все.

В небе тыщи звезд,
Месяц в полный рост,
И медведи бродят в овсе.
Хочешь верь, не верь,
Поезжай, измерь,
Не мешай человеку врать.
Это просто проверить
Тебе теперь —
Самолетом рукой подать.
Полчаса не срок, городок у ног,
И леса стоят, как сказал.
Только вот, браток, что насчет дорог,
Про дороги я не соврал,
К нам дороги ягою меряны
Лет полсотни назад клюкой,
И клюка ее здесь потеряна —
В темном лесе за Юг-рекой.

БЕЛОЗЕРЬЕ

Здесь ели, словно колокольни,
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты.
И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Плывёт протяжный шум тресты,
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О, край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ВОЛОГДЕ

Как колокольня, ростом длинен,
Сажень в плечах, глазаст, усат,
Царь прибыл в город по причине
Совсем не царской, говорят.
В ботфортах, сшитых саморучно,
С дубиной, струганой ножом,
На складах пристанских, как крючник,
Царь околачивался днем.
Беседы вел с мастеровыми,
С купцами пил, табак курил
И, царское роняя имя,
Пешком по Вологде ходил,
Собак дубиной отгоняя.
Монашки, глядя вслед ему,
Крестами перси осеняя,
Гадали, что теперь к чему.
В глазах его бесовских пламя,
Дым из ноздрей, как две струи,
И кукиш делает перстами
Притом на храмы божию.

А паче, даже думать срамно,
Царь отбывает на покой,
Стуча перстом в перстне по раме
К вдове над Вологдой-рекой.
Ах, либе Анна, либе Анна,
Вдова голландского купца
Добра, вальяжна и желанна,
Хотя и девочка с лица.
У ней атласы на перине,
Из Амстердама в склянках ром...
Что до утра в царевом чине
Он с Анной делает вдвоем?
Тут замирает дух и сердце...
А царь по Вологде спешит,
Весь солнцем проперчен, как перцем,
Ушкуйник, а не царь на вид.
Он смел в любви и лих в застолье,
Но перед ним сейчас вдали
За речкою не лес да поле,
А море, флаги, корабли.
И Анне в горницах не спится,
Опять на дереве в окно
Поет томительная птица
И жжет в постели полотно.

СЛОВО О ДИОНИСИИ

1

Умели деды строить грады
И веси на Руси святой.
Стоят они, очей отрада,
Красой равняясь с простотой.

На наших северных широтах,
Видать, для света и тепла,
Как солнышки ручной работы,
Горят над ними купола.

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод — и невозможно
Глаза от света отвести.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни пел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Шеренги праведников рослых
Стремятся в рай, а там встают,
Толпятся мачтовые сосны
У Дионисия в раю.

Рай на горах, в бору с брусникой...
А, может, правда рай в лесу?
Мой край родной, мой друг великий,
Как опишу твою красу?

Пылает северное лето,
Недвижны сосны. Спит вода.
И на стожар в лугу надета,
Дрожит вечерняя звезда.

А в дальней дали с новой силой
Через дремучие леса
Старинный град, райцентр Кириллов
Плывет, расправив паруса.

2

Я видел рай не на небе,
Он в душу мне запал,
Его художник нанятый
В церквушке написал.

Но неподкупна кисть его,
И вот живет века

Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,
С брусникою, с опятами.
— Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,
Его на стенах каменных
Изобразив, как рай!

ПЕСЕНКА

М. Исаковскому

Рыжий дождик бегал с ветром взапуски,
Речку затопили небеса,
Солнце по небу ходило запросто,
Но происходили чудеса.

С неба лес спускался к речке лесенкой,
Колокольцы падали с весла,
И нехитрая, как полдень, песенка
В том краю родилась и пошла.

С ней сдружились плотники и пахари,
А у них дела по всей земле —
Услыхав ее, баяны ахали
Даже в самом песенном селе.

А была она короче коротка,
Ничего особенного в ней,
Но, видать, в ней что-то людям дорого,
И они сочли ее своей.

Даже в океане Атлантическом
Кочегар сменился у котла,
И под небом душным и тропическим
Песня, как над Волгой, поплыла.

Значит, в ней жила, звучала русская,
Грустная в тот миг душа-краса
И звала домой, как тропка узкая...
Так и происходят чудеса.

* * *

Что может быть проще еще и сложнее
Дороги летящей и поля за нею.
Что может быть жестче еще и нежнее
Ладоней, что только себя не жалеют.
Зеленые звезды дрожат в поднебесье,
Большая медведица зла и космата,
Но луг соизмерен с кострами созвездий
С зарею грядущей, с вчерашним закатом.
Как зеркало месяца, падает в травы
Коса, и цветы обжигает под корень.
И древняя жатва обходит державу
С зари до зари, как от моря до моря.
И женщина в ливне пшеничного света
Встает на носки, выпрямляя колени,
Одета в цвета негасимого лета
И им же раздета как бы на мгновенье.
Да песня займется, зовя и тревожа,
А в ней все про то же, что было и будет.
И нет ничего и не сыщешь дороже
Весь мир повидавшим, все видевшим людям.

Через края сосновых станций,
Спокойных рек, седых берез
Невидимую нить пространства
Мотал локтями паровоз,

Чтоб на безвестном перегоне,
Где дали синие легки,
Встал семафор на снежном склоне,
Урал открыв из-под руки.

АЛЕШЕНЬКА

Словно в горле песенки горошинка —
Пропую, а не произнесу.
Есть такая станция Алешенька,
Как тропинка к поезду в лесу.

В двух шагах от каменного города,
А как бы у света на краю,
Неизвестна никому, не дорога,
Сторожит стальную колею.

Ливнем стали и стекла по линии,
Будто на колесах города,
Никелем окованы, как инеем,
Мимо пролетают поезда.

Сколько Алексеев и Алешенок
В суতোлке, в громе, в суете
Названо, окликнуто, опрошено
На лесной сороковой версте?

Мимо все. С печальями, с улыбками
Без ответа мчатся поезда.
Что-то человеческое, зыбкое,
Потерялось в громе навсегда.

Двести лет прошло с тех пор, как брошено
Лесу, полю, солнцу и реке.
И летит: «Алешенька, Алешенька», —
А ответа нету вдалеке...

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь цветистый луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг, запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

* * *

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить сигарку от звезды,

Услыхать травы произрастанье,
Трепет заполючных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет...

ГАРМОНИ

Над базаром музыка властвует,
Сто гармоник поют в углу,
Голубые, алые, красные
На морозе поют к теплу.

Пар кудлатый клубит над лицами,
Снег укатан, словно каток.
Люди скидывают рукавицы.
Свой треух отвернут чуток.

Наклоняют ухо и слушают,
Выбирают ту, что нужна,
Чтобы тешила вдоволь душу им,
Голосиста была и нежна.

Выбирают свою, особую,
Среди тысячи голосов
И на слух и на ощупь пробуют
Песню, пляску, грусть и любовь.

Уж чего бы так, ведь гармония,
Не орган тебе, не оркестр...
Эх, гармония, — филармония,
Да и опера сельских мест.

За нее трудовые, кровные
Отдают без боли рубли,
На плечо ремешок и, словно им
Привалило счастье, — пошли.

Лесорубы, шоферы, пахари —
Все поклонники красоты...
А гармони поют и ахают,
И цветут на мехах цветы.

А базар еще пуще прежнего
Дымный воздух рвет городской
Громкой удалью, грустью нежною,
Буйной радостью и тоской.

* * *

Жизнь, по пословице, не поле,
А были позади поля,
Где столько грома, крови, боли,
И на дыбы встает земля.

Но снова будто не бывало
Их, равных жизни, на пути,
Мы повторяем все сначала,
Что жить — не поле перейти...

* * *

А мне, пожалуй, ничего не надо,
Лишь строй берез серебряных в снегу,
Да леса сине-белую громаду.
Клянусь, что так. И я, друзья, не лгу.

А что еще? Да жить на белом свете,
Быть может, до шестидесяти лет.
А что еще? Могу друзьям ответить —
Весь до былинки этот белый свет.

В МЕТЕЛЬ

Зима несет в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна.
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлестывают окна.

Несет избу в далекие моря,
В седую замять снеговых видений.
Хвосты жар-птиц опять в печи горят
На звонких на березовых поленьях.

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо — словно парус в самом деле.

А на столе веселый самовар
От счастья скалит золотые зубы,
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светлорусым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка
Над самобранкой белою, как снег,
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна,
Мы в полночь непробудную плывем
По снежным безудержным океанам.

Пускай свистит разбойник Соловей
На той сосне косматой, за деревней.
За тридевять земель сбежал Кашей—
Нам песни петь, мед-пиво пить
с царевной.

КОНЦЕРТ

Начинается, начинается,
Алый бархат уходит вбок,
Выплывают на луг красавицы,
Оживает старый лубок.

Сарафаны цветные тканые,
Из сафьяна все сапожки,
Как негаданные, нежданные
Гуси-лебеди вдоль реки.

Гуси-лебеди, струи в лепете,
Ивы падают с высоты,
Солнце в небе встает из небыли,
Поднимается из мечты.

А по залу летит дыхания,
Вздоха радостный ветерок,
А на сцене зорь полыхание,
И под сердцем вдруг холодок, —

Это так ведь мечтали прадеды,
Предки наши о красоте,
О несбывшейся и ненайденной,
Как о дали и высоте.

Пусть у нас своя, непохожая
И мечта есть и красота.
Непохожая, только что же мы
Восхищеньем томим уста.

Даль иная, высоты новые,
Только замер вдруг, замолчал
И любуется облюбванной
Красотою сегодня зал.

Видно, есть в ней самое главное,
Без чего не быть красоте,
И выходит она, как равная,
К нашим помыслам и мечте.

КУРОРТНИКИ

А. Яшину

Сверкали горы в небе гранями,
Пейзаж был ярок и величествен,
Два земляка, два северянина
Ходили по земле таврической.

А над горами, как пожар, еще
Катилось солнце — море плавало,
Но было грустно двум товарищам,
Одетым по курортным правилам.

На юге загрустив о севере,
О всех делах, что там оставили,
Один подумал: как посеяли?..
Другой: как лес на реках сплывили?

Как там район живет, работает
Да как там планы выполняются,
Когда они здесь, беззаботные,
По бережку у моря шляются.

Но не любили громких фраз они,
И про дела свои хозяйские
Вслух было ими просто сказано
Совсем не так в то утро майское.

Один сказал: «На белом озере
Еще остатки льдин мерещатся,
И цвета моря море озими
В полях за Белозерском плещется».

Другой вздохнул: «У нас за Вологдой
Черемуха в Никольске пенится,
И, значит, ветер веет холодом,
А здесь куда от солнца денешься...»

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.
Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо между сапог и вил,
В строю брошюрок желтых залежалых
Твардовский все же обнаружен был.
Вещала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР,
А в клуб пришли девчонки да мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.
Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз,
Ему не до артистов и поэтов —
Бушует по округе сенокос.
Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудодня,
А солнца в сенокос, росы и зноя?
Нет, не было такого у меня.

И среди ламп чадящих и букетов
Над кумачевым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать Россия родила.
А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина, ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.
За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.
Три женщины вошли и сели рядом,
В платочках новых праздничных, тихи.
На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.
Они отдали все без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях...
Мне пусты показались сочиненья,
Расхваленные критикой в статьях.
И я прочел для этих трех солдаток
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

ПОЕЗДКА В КОВЖУ

Ивану Бузину

Это мне запомнится — начало
Лета, уходящего в леса,
Чайки подрались у причала,
Плачут, надрывая голоса.

Ветерок, излюбленный

«шолонник»

В мокрое упёрся полотно.
Чайки вслед затеяли погоню,
Только не догнать нас всё равно.

Вот уже белеет церковь Спаса,
С берега донесся запах трав,
Дым жилья, к себе зовущий властно.
Шелест зацветающих дубрав.

Дранкой, будто рыбьей чешуею,
Крыты избы ковжских рыбаков,
Будут там нас потчевать ухую,
Сладкой жарениной из снетков.

Может, пели песню плотогоны
На Шексне-реке, реке зеленой,
На реке зеленой на заре,
В золотом, туманном сентябре.

В паутине плыло бабье лето,
Тонкий месяц таял до рассвета.
Звонким клином, вышибая лето,
Журавли по небу плыли где-то.

Медленно зеленых струй движенье,
Глубь с буксира меряли саженью,
Скрытые пощупывали мели
И негромко эту песню пели.

А потом за дальним поворотом
Шлюз открыл плотам свои ворота.
Из ворот открылся белый город,
Долгожданный город нашим взорам.

Плыл паром, громоздкий да скрипучий,
С девушкой шутил шофер-попутчик,
С кузовками по грибы-опята
На пароме ехали ребята.

Радуга стояла золотая,
И, ее мешками задевая,
Шли возы с горы к парому с хлебом.
А Шексна вдали уперлась в небо,

В перевалы облачных предгорий,
В голубое Рыбинское море.

ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Здесь, сужаясь и приседая
В темных зарослях ивняка,
Вниз с плотины, почти седая,
Вертикально летит река.

Опрокинутая на спину,
На лету превращаясь в гром,
Гулко падает в пасть турбины
И закручивается винтом.

Продолжают ее вращенье
Якоря динамо впотьмах,
И мы слышим ее гуденье
В металлических проводах.

На железных ногах, по звеньям
Пропыленного большака,
Здесь высокого напряженья
По стране шагает река..

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоногому Колумбу —
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая,
С багром тяжелым на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темноту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный Путь блестит над миром,
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку, он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
И путь до Рыбинска далек.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок...

ПЛОВУЧАЯ КУЛЬТВАЗА

На сцене культбазы пловучей,
В кисейное платье одета,
В тоске по Ромео измучась,
Прощается с жизнью Джульетта.

Девчата из ближних колхозов —
Доярки, вязальщицы, жницы —
Сидят, и нестыдные слезы
Дрожат у девчат на ресницах.

Молчат, загрустив, плотогоны,
Колышется занавес алый,
Печальная песнь о влюбленных
Почти полсела взволновала.

А в окнах речная прохлада,
Плывет вологодская осень,
Дыхание дальнего сада
И трав увяданье доносит...

Подходят буксиры и разом
Свой ход убавляют на малый,
Чтоб не потревожить культбазу,
Волною не тронуть с причала,

Как будто на мостиках знают,
Что здесь умирает Джульетта
И, тихо штурвалы вращая,
Уводят буксиры к рассвету.

А осень шуршит по откосу
Осокой, засохшею в глине,
И ветер из поля доносит
Старинную песнь о рябине...

* * *

Есть где-то моря-океаны,
Там волны до неба летят,
А здесь в тишине капитаны
Спокойно в туманы глядят.

Ни лоции нет, ни компаса —
Знакомая с детства река,
Как выверена по ватерпасу,
Пустынна, тиха и гладка.

Беяны, груженные тесом,
Избушки на грузных плотах,
Речные высокие плесы,
Свистки куличков в камышах.

Плывут работяги-буксиры,
Натянут канат, как струна.
Ровняет плоты по ранжиру
Зеленой линейкой Шексна.

Работают молча матросы,
Тоскует на барке гармонь,
А вечером мачты выносят
Под звезды зеленый огонь.

Скрипучею дремой парома
Навстречу пройдет перевоз,
Пахнет сенокосом знакомо
С парома осанистый воз.

«Ну как там, Фадеич, с покосом?» —
Картуз приподняв, капитан
С буксира паромщика спросит,
Вглядевшись в вечерний туман.

Ему, как и волку морскому,
На сушу не скоро ступать:
Он в плаванье тоже — и дома
До осени, знать, не бывать...

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан,
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит выдавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.
Он, пресноводный житель длинных рек,
Весь почернел от когти и сажки,
В каком году он начинал свой век,
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже!
А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом к причалам!
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.
Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу.
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскою не грезя,
Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте...
Стоит буксир, как бы сама печаль,
Сама тоска железа по работе.

БАКЕНЩИК

Река, разлившаяся, быстрая,
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.

И пароход идет уверенно
От огонька на огонек
Фарватером реки проверенным;
И пусть туманный путь далек,

Пусть мели есть в реке опасные, —
Доставить нужно грузы в срок...
Горит-горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек...

А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Огни вывозит каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь догорают в поздний час.

Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки
Стихиям всем, на совесть призванный
Следить за вехами реки.

И рулевые в ночь туманную
Добром вспомянут каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.

А он, совсем о том не ведая,
Наверно, чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

ЧАЛЕКСА

Тресты зеленые ножи
И камыши, как палицы;
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

Летит холодная струя
Под голубыми кручами,
Непокоренная, ничья,
Заверчена, закручена.

В сверкающие кружева,
Как девица, обряжена.
Бежит река не год, не два,
Торопится. Куда ж она?

Куда ж она снаряжена,
Летит издалека?
Бег начала когда ж она? —
В старинные века.

Меж прочих речек выделив,
За нрав, за непокой,
Ее и деды видели
Стремительной такой.

Отцы глядели вслед реке:
Спешит река не к нам,
Ей тыща лет по метрике,
Она ж юным-юна.

Летит себе и вот она,
Не умеряя ход,
Влетела в год работы к нам,
В сорок девятый год.

И ей сказали: — Путь далек,
Но ты примчалась в срок.
Пора вступать в свои права,
К работе приступать —
Крутить большие жернова,
Деревне ток давать,
Леса пилить, в домах светить
В колхозной стороне,
Пора пшеницу молотить,
Работать на гумне...

Тресты зеленые ножи
И камыши, как палицы;
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

А на высоком берегу,
Уложенные ровно
В две пирамиды, на лугу
Уже готовы бревна.

И только плотникам скажи —
Они начнут рубить ряжи,
Плотину возводить...
— Что ж, так тому и быть!

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний вечер оглушен,
Отчалят чалки, примут сходни,
И пароход уйдет в затон.
Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять.
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.
По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут,
Пахнет щемящий сердце запах,
Как будто лето провезут.
Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.
Но снег залепит расписание,
И до июня вплоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

ЗИМА

Мир накренился, прям и светел,
Едва заметен поворот,
Но по планете хлынул ветер
Уже арктических широт.

Еще в пленение не веря,
Плескались реки в берега,
Когда седая, как поверье,
Вдоль по воде пошла шуга.

И, тронув дымчатым припоем
Излук и стариц тишину,
Мороз ударил в голубое
И затуманил вышину.

И белизной неповторимой
Окуталась тогда земля,
Когда торжественно зазимок
Упал на черные поля.

Бери двустволку и на вате
Фуфайку туго опояшь.
Ни пуха ни пера, приятель,
Пусть будет полон твой ягдташ!

Отсалютуй зимы началу
Утиной дробью вдоль бугра.
Вот осень русаком промчалась,
Двустволка вскинута... Пора!

ЖУРАВЛИ

Сыплет ветер северный, раздобрясь,
Золото деревьев вдоль земли,
В Африку, в Египетскую область
Улетают в небе журавли.

Улетят они в страну чужую,
На прощанье обронив перо.
Будут жить, по родине тоскуя,
Зиму проклиная и мороз.

Крокодилы на далеком Ниле
Журавлям напомнят топляки,
Что плывут посередине милой
Северной сплавной Шексны-реки.

Возле фараоновой гробницы,
Там, где пальмы, камни и пески,
Будет им все время север сниться,
Светлые от звезд березняки.

И, презрев природы изобилье,
В час, когда трещит на Волге лед,
Журавли, свои расправив крылья,
В яростный отправятся полет.

Через ветры, холода и грозы,
Пух в пути теряя и перо,
К рыжим поймам, к тоненьким
березам
Голубой весеннею порой.

Так бывает с русским человеком:
Час придет — родимая земля
Через океаны, горы, реки
Позовет к отцовским тополям.

И ничто его не остановит,
Словно бы летящих вдоль морей
Из Египта к давнему гнездовью
Молодых горластых журавлей...

В ГОСПИТАЛЕ

По железному карнизу
У больничного окна
Ходит голубь тучкой сизой,
Золотого ждет пшена.

Госпитальная палата,
Запах йода и тоски;
Кормят голубя ребята —
Бывшие фронтовики.

Слабые от операций,
Бледные до зелена,
Вот уже, как лет пятнадцать
Жить мешает им война.

Ветерок двоих качает,
Кто-то стонет, кто-то спит.
Зорькой, цветом иван-чая
Грудка голубя горит.

Он обходит подоконник,
Осторожней чем к огню
Тянутся к нему ладони,
Мявшие, как воск, броню.

Веткой синих вен повиты,
Слабы руки у ребят.
Ходит голубь домовито,
Глаз кося, вперед, назад.

Вовсе не эмблема века,
А живое существо
Под защитой человека,
Утешение его.

* * *

Над пирогами и борщом,
Над студнем и вином
Вдруг повела гармонь плечом,
Плеснула вдруг огнем.

И замерла беседа вдруг —
Кто в лес, кто по дрова...
И стало слышно, как вокруг
Шумит, звенит трава.

И спор, как сор, и хмель долой,
И в сторону вино.
И о закуске заливной
Сосед забыл давно.

И не хозяин под хмельком,
Уже тяжел и сед,
А песня правит за столом,
И жен уж рядом нет.

Есть сноза рядом старшина
И дальняя страна,
В которой будет тишина
И кончится война.

В зеленом, мирном городке
Замолкли земляки...
А в песне — в дальнем далеке —
Идут, идут полки...

СТУДЕНТКЕ

Там заметает улицы зима,
Как по морским волнам, плывут дома,
Мальчишки пробивают лыжню к школе,
Когда еще царит поутру тьма.

А здесь шумит в метели Ленинград,
Автобусы по Невскому летят,
В цветочных продают живые розы,
И дворникам лишь страшен снегопад.

А ты могла бы в городке чужом,
Когда одни метели за окном
Трубят в свои сверкающие трубы,
Не тосковать о городе большом?

Могла б ты, сняв тяжелые пимы,
Устав от всей ребячьей кутерьмы,
Под абажуром разложить тетради,
Где строчки угловатые прямы,

И по страницам угадать в тиши
Черты тебе раскрывшейся души,
А по рисунку — что грядущий мастер
Попробовал на нем карандаши?

И так — пока в предутреннюю сонь
Спать не уйдет из лампочки огонь
И ты услышишь, как палит из пушки
Мороз на всю Шексну или Шелонь.

Спит сторожика, в школе тишина.
В окно плывет торжественно луна,
На нем цветут тропические розы,
Из льда и снега южная страна.

Поленья рассыпаются в печи,
Сверчок в углу настойчиво стучит
Малюсеньким упругим молоточком
О жаркие сухие кирпичи.

А за стеною в облаках берез
Затихнет мир. Сиянье синих звезд.
И ты сидишь, накинув шаль на плечи,
Забыла про метель и про мороз,

Решив, что день делами был богат...
И скучно вдруг без гомона ребят,
И хорошо тебе, коль скоро к школе
Они по лыжне тропку проторят...

Уходит прочь косматая метель,
Свою на Невском бросив канитель;
Тебе на Мойке в общежитье снятся
Снега вокруг на двадцать пять недель...

Ты далека, но за пургой ночной
Тебя я вижу именно такой.
Ты приезжай, таких там ждут и ценят,
Таких, как ты, там примут всей душой.

* * *

Словно башни победы — на рыжих увалах
Скирды хлеба. Скрипучая песня колес.
Листья падают, как позывные сигналы
Дальней радиостанции, с белых берез.
Над дорогой, над елью, над камнем,
над срубом,
Над болотной кугой, оглашая приказ,
Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются к солнцу в назначенный час.
И уже на селе вышибает дубовые днища
Бородатая брага. Раздайся, народ!
Это осень выходит на круг, подтянув
голенища,
Вот ударят баяны, и в пляску пойдет.
В кумаче горизонт... Я люблю это время
застолиц,
Добрых свадеб до самой последней звезды,
И сто тысяч гармоник на гребнях ста тысяч
околиц,
Дым победного пиршества после горячей страды.

Здесь постепенно умирает лето
В прохладе тростниковой сентября,
Огнем зари погаснувшей задеты,
Сады весь день торжественно горят.

За дымкой золотистой обмолота,
За кузовом прямым грузовика,
За голубым дорожным поворотом
Взъерошилась от холода река.

И в поздних волнах солнечного света,
Над берегом пустынным и крутым,
Березы, словно памятники лету,
Из серебра и бронзы отлиты.

ГОЛУБЬ

Есть мальчишка в солнечном районе.
Он ничем не знаменит пока,
Только в небо запустил с ладони
Белого, как кипень, голубка.

И глядят прохожие, не дышат,
Позабыв на миг свои дела,
На зеленую, как лето, крышу
В синих волнах майского тепла.

Длинный шест над головою гнется,
Тонкий свист летит над городком,
Выше, выше белый голубь вьется
Над мальчишкой в небе голубом.

Виражами ходит, виражами,
Будто весь отлит из серебра,
Даже с дальних улиц горожане
Видят птицу снежного пера.

Видно, что-то им напоминает
Этот голубь, взвившийся в зенит,
А мальчишка этого не знает, —
Запрокинув голову, свистит.

В рубашонке выцветшего ситца,
Озорной, без шапки, босиком, —
И летит душа его, как птица,
Над залитым солнцем городком.

Виден голубь в поле трактористу,
Виден и девчатам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажным городком.

* * *

Низко пригибая травы лета,
Шла гроза, огнем грозя земле,
В буре электрического света,
В фиолетовой слепящей мгле.

А под нею, тенью злой застигнут,
Белый голубь крыльями хлестал
Частого дождя косые иглы,
Воздуха похолодевший вал.

Легкий лепесток живого света,
Погасить его хотела тьма,
Но, с земли давно завидя это,
Мальчуган на крыше не дремал.

Он, шестом вооружась, как пикой,
Весь взъерошен и взаправду зол,
Воздух свистом рассекал и гиком
И плевал на то, что дождик шел.

Сам не зная, как могло случиться
То, что с крыши в страхе не удрал,
Беспокоясь всей душой за птицу,
Он ее подбадривал и звал.

И когда над ним разверзлись громы,
Он, чердак закрыв за голубком,
Заплясал, охвачен незнакомым
Чувством, в этот миг рожденным в
нем.

Молнии ломались по соседству,
Но, по крыше вдруг пустившись в пляс,
Он грозил им кулачком детским,
Ничего на свете не боясь.

ВЕСНА

Как белые лебеди, спины
Купая в прозрачной волне,
Последние ломкие льдины
Плывут по широкой Шексне.

Суглинок прогрели до нормы
Весеннего солнца лучи,
Одетые в черную форму
Гуляют на пашнях грачи.

И в мареве тонком и зыбком,
Где к небу привстал бугорок,
Качается тихо, как в зыбке,
На желтом цветке мотылек.

К механикам и полеводам
Пришла боевая пора,
Гремят до заката с восхода
В полях яровых трактора.

Бензина сиреновой гарью
Покрыт горизонт голубой.
Сидят за штурвалами парни,
Довольны собой и судьбой.

Люба им любая работа,
А эта дороже вдвойне —
До соли девятого пота
На выжженной солнцем спине.

Ревут дизеля на подъемах,
И жирно дымит перегной,
И любо глядеть агроному
На весь этот мир пред собой.

Знаком он до робкой травинки,
Пробившейся к свету у ног.
Исхожен по рыжим тропинкам
И просто без всяких дорог.

Рассчитан, прощупан, промерен
И в дни, когда вьюги мели,
До сути структуры проверен
Промытой дождями земли.

Растут хорошо озимые,
Подкормка проведена в срок...
Лучи ударяют прямые,
Дробятся на камне у ног.

И крылья расправя, с ромашки,
Сверкнув, мотылек пролетел,
На ворот расшитой рубашки
К плечу агронома присел.

А солнце все ярче пылает,
Глядит агроном на поля,
Он слышит, как дышит родная
Живая, большая земля.

Ей красками цвести, не старея.
Пускай она нынче черна, —
Высокое солнышко греет,
И цвет обретает она —

Зеленый и красный и синий...
Спектральный анализ земли
Весна начинается в долине.
Трубят над землей журавли.

В ПОЛЕ

Как девочка-подросток,
Стоит в хлебах березка,
Глядит в простор зовущий,
На небо и на травы,
На золотой, насущный,
Поспевший хлеб державы.

А в нем дороги лента
С холма на холм ложится —
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

По ней в кудлатой пыли
Полуторки грохочут.
И тень широких крыльев
Отбросил с неба летчик.

Как голубая птица,
С ученым полеводом
По ней «москвич» промчится
И проползет подвода.

И пешим ходом, просто,
С тугим мешком заплечным
Веснушчатый подросток
Пройдет заре навстречу.

Он песенку затянет
Про парня из забоя,
И на березку глянет —
Как позовет с собою.

И на дорогу-ленту
Она не наглядится.
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

Одна из тех на свете,
Каких повсюду много,
В огромном жарком лете
Знакомая дорога.

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

Ему до тех красавцев далеко —
Тяжелых, многотонных, гусеничных,
Что поднимают целину легко
И стали вроде лошадей обычны.

Прямой капот, четыре колеса,
Труба с дымком — вот главные приметы
И вся его железная краса,
Воспетая в начале пятилеток.

Но, как «Аврора», мир перевернув,
В Неву входила, вспарывая воды,
Так в бедную крестьянскую страну
Из Ленинграда вышел он с завода.

В него стреляли ночью кулаки, —
В путиловца, партийца, ленинградца,
Но где он шел, вставали мужики
За ним, как бы во время демонстраций.

И я за ним бежал, как за полком
Сейчас мальчишки бегают босые,
Казалось, по деревне ехал гром
И с ним никто не мог сравниться в силе.

Он имя Ленинграда с честью нес
Вдоль всех полей России и селений,
Ведь на него среди октябрьских гроз
Рассчитывал в мечтах товарищ Ленин.

ХЛЕБ КОММУНЫ

Я с детства начал жить в коммуне
За Бийском у Алтайских гор,
Под небом дальнего июня
Лежал ее земель простор.

Там, как в зеленом океане,
Все было общее до дна:
Дворы, дома и даже баня —
Для женщин и мужчин одна.

Загибы были — коль взглядеться.
Но я то время не сужу,
Я на него глазами детства
Без снисхождения гляжу.

Голубоваты, серебристы,
Плеща прохладою в жару,
Фонтаны тополей лучистых
В коммуне гнулись на ветру.

На фоне синих, величавых
Гор, поднимающих хребты.
И в дудках, лопухах и травах
Порхали птицы, как цветы.

Звенела кузница за речкой
И кто-то врал из нас, что там
Садится солнышко под вечер
И всходит в небо по утрам.

А на плацу, ветрам открытом,
Весь день над крышей дым столбом,
Неладно сшитый, крепко сбитый
Стоял столовой длинный дом.

Там пахло щами на пороге,
Там от дресвы белы полы,
Столы, расставив крепко ноги,
Хлеба по ним несли из мглы.

Дрожал, врезаясь в корку с хрустом,
Весь в крошках, будто в рже металл,
Румяный круглый хлеб, капустных
След листьев снизу сохранял.

На двух больших ладонях словно,
Пekli его в огне печи,
И он хранил их след неровный
Все жилки, линии, лучи...

Всем одинаковый, бесплатный,
Коммуны хлеб, как тень и свет,
На длинных, струганых, щербатых
Столах некрашенных, в обед

И в завтрак был и был на ужин...
А нам, ребятам, словно луг —
Беги к нему, когда он нужен,
С ним рядом соль, зеленый лук.

И в жестяных бидонах потных
Обрат — снятое молоко —
Пируй, когда тебе охота...
Смешное детство далеко.

Ты быстро улетало, детство,
Уже твоих не слышно крыл.
Но в жизни есть одно наследство, —
И я нигде не позабыл

Коммуны хлеб! Под грозным небом
Не раз я ел его потом,
На пятерых буханку хлеба
Рубя трофейным тесаком,

В ладонь с брони сгребая крошки
Промерзшие, как серебро,
Под артналетом и бомбежкой
Как смерть и жизнь, зло и добро.

Он черствым был с огнем и горем,
Как слезы был, но в жизни мне
Он не бывал ни разу горек
Ни в детстве и ни на войне.

И я считаю счастьем личным
Все, что мне жизнь несла, даря:
Коммуны круглый хлеб пшеничный
И ветер близкий Октября.

* * *

Люблю строительства леса
И запах стружек на ветру.
Я верю, что земли краса
Вся —
Дело человеческих рук.

Ты выйди в поле — как красив
Весь огненный под голубым
Полей возделанных массив
И жаворонка звон над ним,

Красив на речке водопад,
Когда его берут в тиски,
Когда в турбине загремят
Басы тяжелые реки,

И ночь созвездиями сел
Заблещет в темноте густой,
И встанет, ахнув, новосел,
Той зачарован красотой.

И даже небо красотой
Иной заблещет, погляди,
Когда в нем самолетов строй,
Как журавлиный, прогудит.

Оно огромней станет вдруг,
И глубже станет высота.
Лишь в деле человеческих рук
Смысл обретает красота.

НА ВОКЗАЛЕ

Метет на перроне вокзала пороша,
Люди снежок у вагонов толкут.
Вот отправляется парень хороший,
Окончив строительный институт.
Целых полкурса пришло прощаться
Веселых, горластых, дружных парней,
Возле дружка своего толпятся.
А парень думает лишь о ней —
О ней, что вниманья не обращает,
Поближе к вагону не подойдет,
Ждет отправленья, видно, скучая,
От нечего делать перчатки мнет.
Стрелки торопятся по циферблату —
До отправленья минуток пять...
Нет чтобы тут вот уйти ребятам,
Другу несмелому не мешать.
Все, что в душе у него томится,
Руки на плечи ее положив,

Сердце заставив потише биться,
Он бы сказал — и остался жив...
А девушка, видно, о том не знает;
Из факультетских девчат она
Самая бойкая и озорная,
Вдруг присмирела, стоит одна.
Что-то глаза на ветру слезятся,
Руки со злостью перчатки мнут —
Нет чтоб друзьям отойти догадаться
И отвернуться на пять минут.
Все, что в душе она год хранила
И не промолвила с глазу на глаз,
Тут бы сказала, не утаила,
Без недомолвок и колких фраз.
Но раздается гудок прощальный,
Зажег паровоз на груди звезду,
Тронулся, двинулся поезд дальний,
Прыгает парень в него на ходу.
Так и не сказано слово это,
Слово единственное на двоих,
Полное радости, счастья, света,
Самое лучшее слово для них.
Только ведь дело, друзья, не в этом,
Будут дороги и города,
Вечно летящие в зиму и лето,
Встречу сулящие поезда...

В ТЕПЛИЦЕ

На улице снежная вьюга метет,
А в двери войдешь ты с мороза,
И августом жарким навстречу пахнет
В тепличном хозяйстве колхоза.

В зеленое пламя ботвы помидор
Тебя поведет от порога
Прямой, убегающий вдаль коридор,
Как будто бы в поле дорога.

Здесь, словно подсолнухи, лампы стоят
Под небом стеклянным рядами.
Краснеет редиска, клубится салат,
Соседствуя с огурцами.

И капли воды на крупинки росы
На листьях мохнатых похожи.
Озябли слегка пузаны-огурцы —
В пупырышках нежная кожа.

Но климатом всем управляют вдвоем,
Согласно инструкциям строгим,
Здесь дед-бородач с молодым пареньком,
А не всемогущие боги.

Коль надо жару, так жару зададут,
Коль надо — прохладой повеют.
И столбики ртути в термометрах тут
Без них шевельнуться не смеют.

Забудешь, что стекла от снега белы...
Горят огоньки желтоцвета.
И лишь не хватает гуденья пчелы
В теплице для полного лета.

Да пения иволги над головой,
Когда от клубники багряной
Пахнет на тебя сенокосной порой,
Лесной земляничной поляной.

СТАНЦИЯ «ВАЛЯ»

Л. П.

Легким именем девичьим «Валя»
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны,
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаши рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудак немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С краткою стоянкой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.
Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

НОВЫЙ МОСТ

Мост — как радуга из железа —
Перекинулся над рекой.
Три бетонные волнореза
Утверждают его покой.
Левый берег и правый берег
Повстречались накоротке,
Встреча данная в полной мере
Отразилась в Шексне-реке.
Там в ажурных железных звеньях
Спят застрявшие облака,
Словно фотоизображенье,
Колыхающееся слегка.
Вот качнули, сверкнув, оркестры
Медных труб музыкальный гром,
Поезд тихо тронулся с места,
Поезд стукнул в мост колесом.
И прошло его отраженье,
Все в знаменах и все в венках,
Все зеленое, все в движенье,
В синем небе на трех быках.

Вышел вечер, облака раскинув.
День окончил все свои дела.
Выйди на прогулку, Валентина,
Вдоль по главной улице села.

Мимо палисадников и окон,
Тонкая, в батисте голубом,
Повстречайся будто ненароком
С нами, Валентина, за селом.

Я уйду, я вам мешать не стану, —
Третий лишний, что ни говори.
Вот уже неторопливо вянут
Краски застоявшейся зари.

Вышла.

— Вечер добрый!

— Добрый вечер! —

Вся она красива без прикрас,

Острые мальчишеские плечи,
Синее сиянье ясных глаз.

Голубая блузка, плащ внаброску
Белого, что пена, полотна,
Всем ветрам открытая прическа,
Как костер, закатом зажжена.

Счастье дай такой вот — не обронят
Ни в грозу, ни в бурю, ни в беду
Маленькие твердые ладони...
Что же, попрощаюсь и пойду...

— У меня дела...

— Идемте с нами.

— Нет, увольте. Ну, друзья,

пока... —

Ухожу, ломая сапогами
Прутики сухого лозняка.

Огонек мерцает над плотиной
С неба опустившейся звездой.
Вот они проходят с Валентиной,
Тихие, над медленной водой.

Говорят, идут. Поцеловаться
Не спешат. На зоревом пути
Что спешить, когда им, может

статься,

В жизни вместе далеко идти
Так вот, никогда не разлучаясь,
У плеча плечо! А вечер тих.
Розовая пена иван-чая
Плещется на гребнях голубых.

Вот они поднялись на плотину.
Силуэты вычертил закат...
Вечер, вербы, тени, Валентина,
И во ржи коростели кричат!

Сыну Володе

Палочки две и одна закорючина —
Первая буква. Удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено.
Высунут чуть и прикушен язык.
Пот выступает на носике каплями,
Крепко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.
Здравствуй, ну вот мы с тобою и встретились!
Как это вышло — мне трудно понять.
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился буквы писать.
Дымом повито, ветрами исхлестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба упавшими звездами,
Временем, танковой тяжкой броней.
Встал, не дышу, не сплугнуть бы мгновение!
Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение...
Снова мы учимся буквы писать.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Мой мальчишка крепко спит в кроватке,
Одеялом бережно укрыт.
Рыжие взъерошенные прядки
Полночи дыханье шевелит.

Ничего про Новый год не зная,
Смотрит сын младенческие сны.
На подушке — елки тень резная,
За окошком — желтый шар луны.

Чтоб никто мальчишку не тревожил,
Ходит сторож в шубе у ворот,
А в полях на снежном бездорожье
Новый год с подарками идет.

Он идет к мальчишке издалека,
Весь в снежинках, с головы до пят,
И об этом от Владивостока
До Карпат повсюду говорят.

Зайцы бьют в тугие барабаны,
Лапок не жалея, что есть сил,
На дворе колхозном из тумана
Сам петух о нем проголосил.

Встал петух, на жердочке качаясь,
Как костер из пуха и пера,
Гребешком зазубренным касаясь
Крыши оцинкованной двора.

Лишь один медведь коротконогий,
Видно, позабыв про Новый год,
В теплой темноте своей берлоги
Лапу шоколадную сосет.

Если бы проснулся вдруг мальчишка,
Со своей кровати ночью встал,
Он бы недогадливого мишку
За уши, конечно, отодрал.

И сказал медведю: — Что ж ты, соня,
Сам проспал, не разбудил меня? —
Полночь. Шар луны на подоконник
Из-за тучки падает, звеня.

Час назад сказал как можно строже:
Спать пора! Ссылался на часы.
Общими усильями уложен,
Тихо спит под одеялом сын.
Брошенные возле печки в ящик
Слон с медведем, тишину храня,
Глазки неподвижные таращат,
Глядя удивленно на меня.
Да и как же им глядеть иначе,
Я ведь их — царей лесов больших —
Превратил в недышащих, незрячих,
Маленьких, тряпичных, неживых.
Сын для них привольные кочевья,
Реки и долины создавал,
Слон трубил, медведь ломал деревья,
Теплый ветер морды им ласкал.
Я разрушил этот мир руками,
Но ничто зверюшек не страшит —
Встанет их волшебник с петухами
И немедля словом воскресит.

ПОЕЗД

Это поезд, идущий в лето,
По пути к дорогому, к заветному.
На него доставать билеты
Очень трудно простому смертному.

Надо с трудностями бороться,
Год сидеть за книгами честно,
И тогда для тебя найдется
Возле лампочки лучшее место.

Рюкзаки, как подушки, — в голову,
И — да здравствует наше лето!
Едут в Киров, Рязань и Вологду
Земляки по университету.

Поезд медленно с места тронется,
Зачарован навек простором,
И березы ему поклонятся
На опушке за семафором.

Лес протянет к нему зеленые,
От росы блестящие лапы.
Речка вынырнет под вагонами,
Вся рябая от солнца, в накрапах.

А в вагонах — все окна настезь,
Вьется кольцами дым веселый,
В область сердца, по праву счастья,
Едут юные новоселы.

Область сердца, область Сибири —
Там в пшенице один заблудишься.
И по сердцу леса на Свири:
Что задумано — все там сбудется.

Поезд полон, как ветром, песнями.
Их везут, и на каждой станции
Песня спрыгнет с короткой лестницы
И среди тишины останется.

Вот одна завернула за здания
И звенит где-то там, над рожью.
Но короткие расставания
Никого не томят тревожно.

Вот уже семафор ладонью
Приказал паровозу: трогай!
И на землю опять обронен
Гром, прикинувшийся дорогой.

Под него веселей живется,
От Москвы до Владивостока
Он не раз еще отзовется
Эхом юности в днях далеких.

К инженерам и агрономам
Вдруг при встрече случайной, где-то
Подойдет, позовет знакомо
Этот поезд, идущий в лето.

В МЕТЕЛЬ

Метет метель, сугробы наметая
По кровли селам и по грудь лесам,
Но вот луна, как нива золотая,
Издаюка сверкнула небесам.
И сразу воздух неподвижно замер,
И в тишине открылась, чуть пыля,
Как будто негатив перед глазами,
Под черным небом белая земля.
Вдаль покатиюся по ее раздолью
Горошина живая бубенца,
Копытами взрывают к небу поле
Два вороных гривастых жеребца.
Над санками овчинные тулупы,
Как два костра, пылают, гнутся, жгут,
И пар летит от мокрых конских крупов,
И свищит черной молниєю кнут.
Но кони вдруг, храпя и приседая,
Тяжелый останавливают бег,
Тулупы смаху седоки срывают,
Бегут вперед, — навстречу человек.

На лыжах, до бровей густым, колючим
Обросший инеем, как бородой,
С мешком заплечным, с фляжкой на случай
Спешил он по равнине снеговой...

* * *

Метель за всеми четырьмя углами
Такая, что не выйти за порог,
Как будто полюс северный снегами
Обрушился с утра на городок.

В такую пору пить чай с вареньем,
С брусникой или ягодой другой,
В лежанке пошевеливать поленья,
Как свечка побелевшей кочергой.

Старик-хирург, накинув плед на плечи,
Сидит задумчив. Вот уж сорок лет
Он так привык сидеть один под вечер,
Когда пустеет этот кабинет.

Но издалека в трубке телефонной
Тревожный голос вдруг зарокотал,
И в тихой поликлинике районной
Хирург над телефоном резко встал.

Слетела с плеч упрямая усталость.
Коней! Машину!.. Только нет дорог,
И о себе опять некстати старость
Напомнила привычной дрожью ног.

А там больной, он ждет надежной, скорой,
Той помощи, которой близко нет...
Но весть уже прошла по коридорам
И распахнула двери в кабинет.
Хирургу молодому лишь за двадцать,
Старик не уважает молодых,
Не доверяет часто операций
И сам всегда присутствует на них.
Ворчит порой: «В мединститут приходят,
Призвания не чувствуя ни в чем.
С зубилом вам работать на заводе,
Быть слесарем, милейший, не врачом».
И он, недоуменно сдвинув брови,
Глядит в упор из-под тяжелых век.
«...Прошу вас разрешить, Иван Петрович,
Я лыжник, я дойду — там человек...»
Там человек. Когда курган Малахов
Дрожал от ядер в пламени багров,
На поле боя к раненым без страха
Шагал военный доктор Пирогов.
Там человек! Геройством не считая,
Себе отважно прививал чуму
Российский медик Лебедев в Китае,
И наконец чума сдалась ему.
Ревели пушек тяжкие раскаты;
Локтями разгребая черный снег,
Ползли в шинелях русые девчата
Под пулями туда, где человек...

А за окном все круче снежный ветер,
Хирург накидку уронил с плеча,
Как будто к ним вошел неслышно третий
И сразу в нем хирург узнал врача.

...Ладонь сухая, легкая в упругой,
Большой, чуть дрогнувшей, она навек
Запомнится, как эта ночь и вьюга, —
«Идите, доктор, да, там человек!»

Метель гудит в ушах стократным эхом,
Толкает, опрокидывает в снег,
Но от столба к столбу идет по вехам,
На помощь к человеку человек.

Одна забота, как с пути не сбиться,
Идти вперед и вовремя успеть,
Дышать на остановках в рукавицы
Да нос и щеки яростно тереть.

Не успеваешь оглянуться, лыжню
Сминает сзади начисто пурга,
И, как река, колючей пеной брызжа,
Летит она, ревущая в ногах.

Валы встают навстречу снеговые,
Грозь смахнуть и смять его легко,
В тулупах хвойных ели вековые
Распахивают полы широко.

С трудом поймав огонь на сигарету,
На пять минут приткнулся у ствола,
Передохнул меж хвойных лап согретый,
Теперь уж недалеко до села...

А ночь летит над всем земным простором,
Конца и краю вьюги не видать...

Из городка колхозную контору
Телефонистка требует опять.

Спит городок, а в комнате на почте
Тепло от изразцов печных плывет,
В тепле, не зная, как врачу помочь ей,
Сидит она сейчас, а врач идет.

К стене прибило у крыльца березы,
Железо с крыши почты ветер рвет,
Пятнадцать километров до колхоза,
Метелица метет, а он идет.

Бледнеет в городке телефонистка.

В наушниках пугает тишина.

За эту ночь ей стали очень близки
Больной и врач, и слышит вдруг она:

«Мы лыжников и лошадей сейчас же
Пошлем встречать товарища врача...»

И, кажется, она их видит даже,

В контору входят парни, грохоча,

В конюшне конюх в санки запрягает

Двух рысаков, гривастых, огневых,

И, обо всем на свете забывая,

Она уже сама кричит о них:

— Иван Петрович, слышите — встречают.

— Иван Петрович, милый, дорогой...

И не звонок мембрану колыхает,

А бубенец залился под дугой...

Луна плывет над белыми домами,
Храпят в упряжке кони у ворот,
Копытя снег и поводя боками,
И молча у крыльца стоит народ.

В медпункте тишина, у белой двери
В халатах фельдшер и сестра с врачом.
«Успели вовремя, диагноз верен,
На стол больного, и сейчас начнем».

Наутро, будто вьюги не бывало,
Горит заря. По краю большака
Березы в инее пушистом, алом,
Как розовые встали облака.

Сугробы расчищая вдоль по тракту
Бревенчатым тяжелым утюгом,
Пронес, гремя на всю округу, трактор
Свой эмтеэсовский рабочий гром.

Как осенью под сечкою капусту,
На улице дорогу мнут пимы,
Скрипит снежок рассыпчато и вкусно,
И зацепились за дома дымы.

Он вышел, провожатыми смущенный,
На улицу села. Хорош денек!

А бабушка в тулупчике дубленом
Сует ему упрямо узелок...

И вот автобус с кузовом зеленым,
Билет за два рубля до городка,

В автобусе молочницы, бидоны,
С бензином смешан запах молока.
И тотчас же кричит шоферу кто-то:
«На месте доктор. Трогай, брат Кузьма!»
Мотор зарокотал с полоборота.
День начался.
Районный тракт.
Зима...

ДОЖДЬ

Шла туча издали,
Черна, лохмата,
И вдруг над избами,
Как из ушата,
Дождь опрокинула.

Под грома оклик
Литавры вскинула,
И дрогнул округ.
Дождь бы и рад в луга,
Но нету арки, —
И встала радуга
Под солнцем жарким.

Капуста крикает
На огороде —
Во время всякое
Ей дождик годен.
А вот косцам в лугах
Дождь как измена —

Они гребут в стога
И в копны сено.
Идет дождь напуском,
От солнца пегий,
Но, видно, взапуски
Давно не бегал...
Растут в лугах стога,
И, словно саблями,
Встречают дождь луга,
Сверкая граблями.

ЧЕРЕМУХА НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ

На Петроградской расцвела черемуха.
Вы слышали, вы видели ее?
Она стоит вся белая, огромная,
Как сказка опустившись в бытие.

На каменной земле, в ущелье каменном,
Как будто бы в лесу своем она
Цветет себе торжественно и пламенно
Среди деревьев парковых одна.

Вы скажете — как, в городе черемуха?
Да, в городе черемуха, скажу.
Воскликнете — цветущая, огромная?
Да, белая — не зря о том твержу.

Не зря соседка-девочка до вечера
Крахмалила и гладила белье
И на иголках-каблучках доверчиво
Спешит сейчас, похожа на нее.

Идет, почти асфальта не касается,
Как песня устремленная в закат,
Вдоль по проспекту Кирова красавица,
И на нее все встречные глядят.

Ей мать твердила ласково и жаростно:
Ну что ты в нем хорошего нашла,
Не будет у него до самой старости
Ни славы, ни двора и ни кола.

А в городе светло, до часа раннего
Любовь от робкой близости хмельна
Гуляет без скупого ресторанныго,
Дешевого крепленого вина.

Весь город для нее, как зала тронная
От Охты и до Стрелки, посмотри —
Она повсюду шествует с короною
Не меркнувшего золота зари.

И я ее искал порой знакомою
И не нашел. Но не виню любви.
На Петроградской расцвела черемуха,
А холодок сквозит у нас в крови...

ХЛЕБ ПРИВЕЗЛИ

Когда войдет неслышно в улочки
Рассвета мятная остуда,
У распахнувших двери булочных
Ночами происходит чудо.

Спят все дома, пути трамвайные,
Цистерны с квасом и киоски.
И вдруг — с хлебами, с караваем
Встречаются дома и звезды.

Фургонов дверцы резко лязгают,
Взревев моторы выхлоп гасят.
И вдруг вокруг повеет праздником,
Гостьбой и ожиданьем счастья.

Над камнем у витрин движение:
Плывут, качаясь, как планеты,
Как теплые миры весенние,
Хлеба из голубой кареты.

Река асфальтовая вкопанно
Стоит перед лицом рассвета.
Ночь пахнет полем, речкой, тропами,
Во ржи затерянными где-то.

Ночь у печей гремит заслонками,
Взметаёт звезды обмолота,
Щепоть роняет над солонками,
Благословляясь... А всего-то

Хлеб привезли. Шофер торопится,
Огнем сигарки гонит дрему.
Стуча, лотки у стенки копятся.
Спит женщина в постели дома,

Над одеялом плечи жаркие
Белеют памятно и ало.
Метлою где-то дворник шаркает,
Почти за тридевять кварталов.

Спит город, в чудеса не веруя,
Но каждый миг творит он чудо,
Неутомимо, полной мерою,
Всегда, в любое время суток.

Над ним заря с зарей встречается,
И птенчик крохотный и звонкий
Поет, ликует, заливается
На прутике антенны тонкой.

Его никто не слышит малого,
Но он, стараясь бескорыстно,
Огромный город песней жалует,
Как жаловали славой исстари.

Под ним внизу на тихой улочке
Ему подсвистывает грузчик.
Хлеб выгружается у булочной
И день за днем грядет насущный.

МОРОЗ У ПАВЕЛЕЦКОГО ВОКЗАЛА

Город весь в пудре сахарной —
Лица, здания, провода.
От мороза деревья ахают
И звенят бубенцами льда.

У вокзала у Павелецкого
Табуном такси-рысаки,
А шоферы — некуда деться им —
Вкруг собрались, как ямщики.

Бьют под мышки себя рукавицами,
Разговор шутейный ведут,
Дым ли, пар клубится над лицами,
Беломор без пощады жгут.

Солнце в радуге, сорок градусов,
Площадь искриста и пуста.
Лишь вокзал плеснет в этот благовест
Облака через ворота.

Пассажиры в тулупах, в валенках,
На плечо мешки — не замай.
Лучше мы сэкономим на маленькую —
И спешат в метро, на трамвай.

Ох, и холодно нам с Валеркою,
Мы студентики без галош,
Но проходим мы мимо фёртами —
Дескать стужей нас не проймешь!

Впереди нас идет красавица,
Загляденье среди зимы,
Ничего ее не касается —
Ни вокзал, ни мороз, ни мы.

Неторопкой идет походкою,
Ножки в туфельках огневых,
А под шубкой ее короткою
Паутинки-чулки на них.

И шоферы ей вслед бросаются,
Как снежками, восторгом чувств:
«Эй, садись, прокачу, красавица,
С кавалерами. Сам плачу!»

А мороз все круче, прижмистей,
Как стекло звенят небеса.
И заморской душе не вынести
Звона этого полчаса.

НОЧЬ

В час, когда приближаются звезды к земле,
Спят полки в гарнизонах, гармошки в селе,
Города миллионные в душном тепле —
Чувства, мир озаряя, бушуют во мгле.

Рвут шифровки разрядами строчек петит,
Лампы, тускло мерцая, теряют накал,
Тайно ненависть в волнах эфира летит,
И кодирован злобы короткий сигнал.

Блещет молнии свея
Открыто в ночи,
И радисты, немея,
Сжимают ключи.

И радисты с улыбкой
Сжимают ключи —
Чье-то сердце опять
Над землею стучит.

В холодеющих высях
Журавлиных рокад
Треугольники писем
Солдатских летят.

Будто к северу, с юга
(Шире шаг, почтальон!)
Опускаясь по кругу
В руки сельских мадонн.

Всем и всем — под звенящим льдинками
звезд
Бьется жилка мольбы о холодный зенит.
«Всем и всем» — пробивается жаркое СОС.
Это чья-то надежда и вера звенит.

Через рев океанов и материки
Узы дружбы, как меридианы крепки,
Протянулись, прилив вызывая в крови,
Вся планета окутана дымкой любви.

* * *

Где-то горны еще гремят,
День в крови и пепле багров,
Но кончается век солдат,
Наступает век мастеров.

С этим надо считаться всем.
Стало ясно во всех верхах:
Не удержишь мир на штыках
Даже самых новых систем.

С этим надо считаться всем,
Кто играет еще с огнем.
Шар земной предназначен тем,
Кто для мира живет на нем.

Он недаром сумел расцвести
Под огнями вселенских гроз
В лепестках океанов весь,
Как цветок голубой меж звезд.

Всё, говорят, на свете образуется,
Всё в жизни станет на свои места,
И Дон-Кихот под старость образумился.
Но разум — не надгробная плита.
Прихлопнешь разве разумом стремление
Быть искренним, и честным, и прямым
И все свои печали и сомнения
Нести на люди, обращаться к ним.
У юности в крови есть жажда поиска.
Она сама, как поиск, и равна
Той жажде, что вела людей до полюса
Жары, вершины, холода и дна...
Меня недавно подвели товарищи,
Не предали, а час такой настал,
И подвели. Подумаешь, удар еще,
Не молод я и многое видал,
Горел и мерз и пировал как следует.
Ну подвели, — отбился — пустышки.
Но мысль одна с тех пор меня преследует —
Как быстро образумились дружки.

Разумные — врагов себе не нажили,
А я, как был, останусь им дружкой,
Но в дружбе что-то все-таки загажено,
И это не отмоешь коньяком.
Да здравствует святая сила разума!
Быть не рабом, — хозяином страстей
И поступать, как юностью наказано
На дымном гребне фронтовых ночей.
Пусть не благоразумная — победная
Идет без страха молодость в зарю.
Я буду стар, как перечница медная,
Но и тогда ей это повторю.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Советской власти был лишь только год.
С плакатов РОСТА, суриком и мелом,
Красноармеец звал на бой народ
С международной гидрою и с белой.

Решил Совет рабочих и крестьян
Назначить праздник — скоро год восстанью.
И вот приказ войскам столицы дан.
Кумач отпущен для убранства зданий.

Разбужена вся матушка Москва,
Пока еще булыжная, с церквами,
Она еще такого торжества
Не видела, хотя стоит веками.

У Спасских царских выездных ворот,
В шинели, куртки, в стеганки одетый,
Свой красный праздник празднует народ
Впервые за историю планеты.

С народом Ленин. Радостью полны,
Рабочие, крестьяне и солдаты
Затихли так, что всем слова слышны...
О, как минуты эти будут святы!

Еще смертельным шириться боям,
Еще ломать и строить неустанно,
Еще в газетах нету телеграмм
Ни от одной державы иностранной...

Еще пройдет немало дней и лет,
Пока откроют шлюзы Волго-Дона,
В Москве построят университет, —
А уж стоят строители в колоннах.

День залит весь осенней синевой,
Хрустит ледок под каблуками в лужах,
Как голуби, порхают над Москвой
Листовки с самолетов неуклюжих.

Горят под солнцем флаги на Кремле...
Вот Ленин руку над трибуной вскинул, —
Впервые праздновалась на земле
Советской власти годовщина.

Меня на свете не было тогда,
Но для меня и новых поколений
Сегодня, как и в те года,
Победный путь указывает Ленин.

КУБЕ

Не скрываю, что очень понравился мне
Незнакомый, заморский один человек,
Он в солдатской рубахе, с кобурой на ремне
И пудовых ботинках, пошитых навек.

С ним бы хлеб разломил,
Стопку отдал свою —
Человек этот был,
Всем известно, в бою.

Знает мир, а не зал,
Как с открытым лицом
Фидель Кастро стоял
Под огнем и свинцом.

Он идет по проспекту, высок, бородат,
Отдыхает ладонь на широком ремне,
Революции Кубы трибун и солдат,
Как он нравится мне!

В сорок третьем метельном, военном году,
В тридцать третьем отдельном гвардейском полку,
На дыбы поднимая КВ на ходу,
Мы свое повидали на нашем веку.

Средь кипящего зарева стали и льда
Верный берег полка плыл за нами упрямя,
Тыл полка, ну какой это тыл, но когда
Мы из боя к своим возвращались друзьям,

Нам постель уступали они у костра,
Отдавали пайковую водку свою
И дежурили рядом в снегу до утра,
Потому что мы только что были в бою.

Знаю я, что такое солдатский ночлег
И сто грамм, что без слова друзья отдают...
Как мне нравится этот чужой человек
В незнакомом, заморском, далеком краю,
Побеждавший в бою.

* * *

Вот кажется, ну что я этой Кубе,
Что Кубе я, что для меня она?
И не согреет и не приголубит
Чужая незнакомая страна.

Экзотикой она б не заманила,
Романтикой к себе б не позвала
И ничего она не заменила
Того, чем жизнь моя полна была.

Но я сегодня думаю про Кубу.
Среди своих забот, хлопот и дел
Вдруг радостью обдаст она сугубой,
Как будто вдруг на миг помолодел.

Она, как искра от костра. Не близко,
Далеко залетела за моря
И там горит и светит эта искра.
Все, значит, было на земле не зря.

Костры не зря палили конармейцы,
Мечтая об эпохе зоревой...
А век грозил: лишь на себя надейся...
И мы под Брестом принимали бой.

О, первый свет костра за океаном.
Как бородатым конникам сродни
Солдаты Фидель Кастро из Гаваны,
Хотя о том не ведают они.

Второе полушарие планеты,
Иная жизнь, иные времена.
Но свет горит, не остановишь света,
Он ярче там, где ночь еще черна.

Нам век грозил: лишь на себя надейся, —
Когда под Брестом мы вступили в бой...
Гори, костер за океаном, вейся,
Костры Европы все сейчас с тобой.

СОДЕРЖАНИЕ

Человеку холодно без песни	3
Родина	4
Гудок над пристанью вечерней	6
Опять плывет закат над реками...	8
Дергач	10
После дождя	11
У себя дома	12
Акрополь	15
Фотограф	17
Шура Капарулина	20
Жеребенок	23
Ночь	25
У костра	27
Кружка молока	29
Свежий хлеб	31
Мытье полов	33
Щи	35
Голубой Дунай	37
Две дали	39

Колодезный журавль	41
Тыква	42
Стихи о первой любви	43
Опять пойдут хлестать метели...	45
Ты любовь не зови...	46
Письмо	48
Голос первой любви моей поздней, напрасный...	50
Под атласным одеялом...	51
Смеялась, женщина, смеялась...	53
Две крутых соболинки...	54
Над тихими столицами районов...	55
У той березки, где с тобой...	57
Песня	58
Светлый север, лес дремучий...	60
Побывальщина	61
Белозерье	63
Петр Великий в Вологде	64
Слово о Дионисии	66
Песенка	69
Что может быть проще еще и сложнее...	71
Через края сосновых станций...	72
Алешенька	73
Всплошную голубым узором...	75
Облако за месяц зацепилось...	76
Гармони	77
Жизнь, по пословице, не поле...	79
А мне, пожалуй, ничего не надо...	80
В метель	81

Концерт	83
Курортники	85
Вечер стихов в колхозе	87
Поездка в Ковжу	89
Может, пели песню плотогоны...	90
Гидроэлектростанция	92
Плотогон	93
Пловучая культбаза	95
Есть где-то моря, океаны...	97
Старый буксир	99
Бакенщик	100
Чалекса	102
На пристани	105
Зима	106
Журавли	108
В госпитале	110
Над пирогами и борщом...	112
Студентке	114
Словно башни победы — на рыжих увалах...	117
Здесь постепенно умирает лето...	118
Голубь	119
Низко пригибая травы лета...	121
Весна	123
В поле	126
Первый трактор	128
Хлеб коммуны	130
Люблю строительства леса...	134
На вокзале	136

В теплице 138
Станция «Валя» 140
Новый мост 142
Вышел вечер, облака раскинув... 143
Палочки две и одна закорючина... 146
Новогодняя сказка 147
Час назад сказал как можно строже... 149
Поезд 150
В метель 153
Дождь 161
Черемуха на Петроградской стороне 162
Хлеб привезли 164
Мороз у Павелецкого вокзала 167
Ночь 169
Где-то горны еще гремят... 171
Все, говорят, на свете образуется... 172
Первая годовщина 174
Кубе 176
Вот, кажется, ну что я этой Кубе... 178

Сергей Сергеевич Орлов
ЧЕЛОВЕКУ ХОЛОДНО БЕЗ ПЕСНИ

Редактор *В. К. Пудожгорский*
Художник *О. А. Бороздин*
Художественный редактор *П. Ф. Макаров*
Технический редактор *С. И. Соколова*
Корректор *А. В. Дзюбак*

ГФ02921.

Подписано к печати 8. 8. 61 г. Бумага 60 × 84¹/₃₂.
Бум. л. 2,875, Печ. л. 5,75. Уч.-изд. л. 4,1.
Тираж 3000. Цена 35 коп. Заказ 2644.

Областная типография,
Вологда, ул. Калинина, 3.

*